

Научная статья
УДК 7.04+739.5(519)
DOI 10.46748/ARTEURAS.2025.03.004

Художественные особенности корейских зеркал с изображениями бодхисаттв периода Корё (918–1392)

Симонова Алина Владиславовна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург,
Российская Федерация
avlsimonova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6813-6949>, Research ID: LDG-2888-2024,
SPIN-код (Science Index): 1289-0317

Аннотация. Статья посвящена исследованию корейских бронзовых зеркал периода Корё (918–1392), украшенных изображениями бодхисаттв и других персонажей буддийского пантеона. Эти артефакты представляют собой уникальное явление в декоративно-прикладном искусстве Корейского полуострова, поскольку сакральные образы наносились непосредственно на отражающую поверхность, а не на заднюю часть. Подобная особенность превращала зеркала не просто в ритуальные предметы, но в сложные символические объекты, соединяющие художественную форму и религиозно-философское содержание. В первой части статьи рассматривается философская основа феномена зеркала в буддизме, включая его метафорическое осмысление как «ума-зеркала» в ключевых текстах, таких как «Сутра помоста шестого патриарха» и «Ланкаватара сутра». Особое внимание уделено корейским источникам, в частности «Оставшимся сведениям о трех государствах» монаха Ирёна. Во второй части проводится детальный анализ конкретных экземпляров из коллекции Национального музея Кореи, г. Сеул, Республика Корея. Среди них выделяются зеркала с изображениями Авалокитешвары в иконографии «Вода-луна», бодхисаттвы Махамаюри и Небесного царя Вайшраваны. Исследуются их художественные особенности: иконография, композиция, связь с живописной традицией периода Корё. Особый акцент делается на уникальном оптическом эффекте: при освещении такие зеркала проецировали световой образ, что символизировало идею Пробуждения как взаимодействия «света Учения» и «чистого ума». Заключение обобщает роль этих артефактов в ритуальной практике и буддийском искусстве Кореи. Делается вывод о том, что зеркала периода Корё не только демонстрируют высокое мастерство декоративно-прикладного искусства, но и служат материальным воплощением буддийской философской мысли. Их изучение позволяет глубже понять взаимосвязь искусства, технологии и религиозной практики в корейской культуре, а также восполняет существующие лакуны в исследовании буддийского наследия Корейского полуострова.

Ключевые слова: буддийское искусство, буддийское искусство Кореи, бронзовое зеркало, искусство Корё, буддийская иконография, бодхисаттва, образ зеркала, светоформа, Авалокитешвара, Вайшравана, Махамаюри

Для цитирования: Симонова А.В. Художественные особенности корейских зеркал с изображениями бодхисаттв периода Корё (918–1392) // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2025. № 3 (38). С. 76–87. <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2025.03.004>. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1208>.

Original article

Artistic features of Goryeo Dynasty mirrors with bodhisattvas images (918–1392)

Alina V. Simonova

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation**avlsimonova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6813-6949>, Research ID: LDG-2888-2024, SPIN-code (Science Index): 1289-0317*

Abstract. This article explores Korean bronze mirrors of the Goryeo period (918–1392) adorned with images of bodhisattvas and other characters of the Buddhist pantheon. These artifacts represent a unique phenomenon in the decorative and applied arts of the Korean Peninsula, as sacred images were engraved directly on the reflective surface rather than the back. This distinctive feature transformed the mirrors from mere ritual objects into complex symbolic artifacts that combined artistic form with religious and philosophical meaning. The first part of the article examines the philosophical foundation of the mirror in Buddhism, including its metaphorical interpretation as the “mirror of the mind” in key texts such as the Platform Sutra and the Lankavatara Sutra. Special attention is given to Korean sources, particularly Memorabilia of the Three Kingdoms written by the monk Iryeon. The second part provides a detailed analysis of specific artifacts from the collection of the National Museum of Korea in Seoul, Republic of Korea. Notable examples include mirrors depicting Avalokiteshvara in the Water-Moon iconography, the bodhisattva Mahamayuri, and the Heavenly King Vaisravana. Their artistic features, such as iconography, composition, and connection to Goryeo painting traditions, are examined. A special focus is placed on the unique optical effect: when illuminated, these mirrors projected a luminous image, symbolizing the idea of Enlightenment as the interaction between the “light of Dharma” and the “pure mind”. The conclusion summarizes the role of these artifacts in Korean ritual practices and Buddhist art. It argues that Goryeo dynasty mirrors not only demonstrate the high craftsmanship of Korean decorative arts but also serve as tangible embodiments of Buddhist philosophical thought. The study provides deeper insight into the interplay of art, technology, and religious practice in Korean culture while filling gaps in the research on Korea’s Buddhist heritage.

Keywords: Buddhist art, Korean Buddhist art, bronze mirror, Goryeo Dynasty art, Buddhist iconography, bodhisattva, mirror imagery, light-form, Avalokiteshvara, Vaisravana, Mahamayuri

For citation: Simonova, A.V. (2025) ‘Artistic features of Goryeo Dynasty mirrors with bodhisattvas images (918–1392)’, *Iskusstvo Evrazii = The Art of Eurasia*, (3), pp. 76–87. doi:10.46748/ARTEURAS.2025.03.004. Available from: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1208>. (In Russ.)

Введение

Создание бронзовых зеркал на Корейском полуострове насчитывает многовековую историю, уходящую корнями в период ранних государственных образований, когда началось освоение технологии литья бронзы (около VI до н.э.) [1, р. 1991]. В период Трех государств (I в. до н.э. – VII в.н.э.) производство зеркал получило значительное

развитие, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки в погребениях аристократии государств Когурё, Пэкче и Силла. Однако подлинный расцвет этого декоративно-прикладного искусства приходится на эпоху Корё (918–1392). Сохранившиеся до наших дней образцы демонстрируют высокий уровень мастерства в художественной обработке металла

и разнообразие функционального назначения зеркал: от утилитарного до ритуального. В отличие от более ранних экземпляров, которые преимущественно украшались геометрическими узорами либо флоральным орнаментом, зеркала периода Корё отличались разнообразием приемов и тем декорирования, а также большим количеством форм.

Особый интерес представляет появившийся в этот период специфический тип ритуальных зеркал, которые украшались изображениями будд, бодхисаттв и других персонажей буддийского пантеона. Принципиальным отличием этих зеркал стало расположение сакральных образов непосредственно на отражающей поверхности, тогда как у других типов зеркал разрабатывалась исключительно задняя часть.

В отличие от китайских и японских зеркал, корейские экземпляры изучены искусствоведами в значительно меньшей степени. Фундаментальные работы историков и археологов [1; 2] заложили основу для изучения этих артефактов, предоставив ценный фактологический материал и выявив хронологические и региональные особенности их бытования. Значительный вклад в систематизацию и классификацию памятников внесли каталоги музейных коллекций [3; 4; 5; 6]. Культурологический подход, представленный в исследованиях последних десятилетий [7; 8], позволил рассмотреть эти артефакты в контексте социальных практик корейского общества. Технично-технологические исследования и публикации с фокусом на реставрацию и консервацию зеркал [9; 10] углубили понимание производственных традиций Корейского полуострова.

Несмотря на ценность представленного в существующих исследованиях материала, в изучении корейских бронзовых зеркал периода Корё остаются существенные лакуны. В частности, зеркала с изображением персонажей буддийского пантеона, их иконографические особенности, образная система и стилистические характеристики до сих пор не стали предметом комплексного искусствоведческого анализа. В то же время ученые отмечают, что подобный вектор представляется перспективным направлением для научных поисков [8, p. 34].

Настоящее исследование направлено на всестороннее искусствоведческое осмысление феномена корейских бронзовых зеркал с изображением бодхисаттв, включающее анализ иконографических особенностей памятников с выделением устойчивых типов изображений, исследование их стилистических характеристик в контексте развития корейского буддийского искусства, а также изучение роли этих артефактов в ритуальной практике Корейского полуострова. Задача

данной статьи — расширение представления о месте и значении сакральных зеркал в художественном и религиозном пространстве эпохи, а также восполнение определенного пробела в изучении буддийского искусства Кореи периода Корё.

Зеркало в буддийской культуре периода Корё (918–1392)

Поскольку сакральное изображение в буддизме не существует изолированно, в отрыве от Учения, и «является своеобразной картой, навигатором для сознания практикующего и преобразует его сознание в ходе взаимодействия» [11, p. 179], анализ художественных особенностей произведений буддийского искусства не представляется полным без обращения к сущностным основам буддийской философии. Сакральное изображение — это явленное другими средствами слово, а потому исследование религиозных текстов буддизма (сутр, садхан, комментариев учителей) может в значительной степени углубить понимание буддийского искусства. В связи с этим, прежде чем переходить к анализу художественного явления, необходимо обратиться к образу и метафоре зеркала, занимающего важное место в буддийской философской традиции в целом и Корейского полуострова в частности.

Самой известной метафорой в большом корпусе буддийских текстов является выражение «зеркало ума», которое выступает лейтмотивом знаменитой «Сутры помоста шестого патриарха» (кит. 南宗頓教最上大乘摩訶般若波羅蜜經六祖惠能大師於韶州大梵寺說法壇經) [12], составленной в VIII веке н.э. и приписываемой патриарху чань Хуэйинэну (638–713). Эта сутра стала одной из основополагающих текстов для различных школ и направлений буддизма Восточной Азии и широко бытовала в Корею в период Корё [13]. Не случайно профессор П. Демьевиль назвал свою фундаментальную статью, посвященную символике зеркала в контексте буддийского учения, «Зеркало ума» (англ. *The Mirror of the Mind*) [14].

Центральное место в исследовании П. Демьевилья занимает интерпретация сакральных текстов, в числе которых упомянутая «Сутра помоста шестого патриарха». Ее важной частью является сюжет обмена стихотворными гатхами между старшим монахом Шэньсюем и патриархом чань Хуэйинэном. Гатха Шэньсюя звучала так: «Тело — это древо пробуждения, ум же подобен ясному зеркалу. Прилежно очищай его вновь и вновь, не давай пыли осесть». На что Хуэйинэн ответил: «Пробуждение не требует древа, а ясное зеркало не имеет подставки. Природа Будды всегда чиста, откуда же взяться пыли?» [14, p. 13]. По П. Демьевилью, эти строки отражают фундаментальную проблему буддийской философии: вопрос

о «постепенном» и «мгновенном» путях пробуждения, который на протяжении долгого времени был предметом диспутов¹. Зеркало здесь — метафора ума, и П. Демьевиль прослеживает истоки этой метафоры в даосских текстах, где «ум мудреца подобен зеркалу: он не цепляется за явления и не стремится их предвосхитить» [14, р. 19].

Далее П. Демьевиль обращается к сакральным текстам различных буддийских школ и отмечает, что чаще всего образ *отражения* в зеркале (наряду с отражением луны в воде, сновидениями, тенями, эхом) используется для объяснения иллюзорной природы того, что не является абсолютной истиной. Так, например, в тексте «Ланкаватара сутры» (санскр. लंकावतारसूत्र) воспринимающее сознание уподобляется зеркалу, отражающему объекты и принимающему эти отражения за реальность. П. Демьевиль также обращается к концепции «ума-зеркала» (санскр. आदर्शज्ञान) в Йогачаре² — состоянию ума Будды, которое, подобно зеркалу, отражает все феномены, при этом оставаясь незапятнанным. Эти образы находят параллели в западной мистике, от неоплатонизма (где материя сравнивается с отражением в зеркале, лишенным реальности) до христианской аскетики (например, у Григория Нисского (ок. 355–394 г.н.э.), который определял чистую душу как зеркало Бога) [14, р. 22–31].

Образ зеркала присутствует и в буддийских текстах, которые создавались на территории Корейского полуострова в разные периоды. Например, мы находим его в историях, записанных в «Оставшихся сведениях о трех государствах» (кор. 삼국유사, 三國遺事), одном из наиболее ранних корейских исторических источников, который был составлен в XIII веке буддийским монахом Ирёном (1206–1289). Пересказывая древние легенды в части под названием «Тень Будды [на] горе Мао-сан», Ирён пишет: «Будда поднял [в воздух свое] тело [и] вошел [в] каменную [стену пещеры]. Совсем так, [как если бы эта стена стала] ясным зеркалом, люди увидели [в ней отражение своего] внешнего облика, [и отражения] множества драконов все [тоже] явились [там]. [Сам же] Будда пребывал в камне, [а его] образ проявлялся вовне» [15, с. 586].

Приведенный фрагмент, хоть и небольшой по своему объему, позволяет проследить специфику осмысления образа *зеркальной поверхности*, бытовавшую на территории Кореи. В этом фрагменте каменная стена представляется зеркальной гладью, войдя в которую, Будда начинает пребывать в ее тверди, одновременно проявляясь и вне ее. Предположительно, эта образность отразилась в создании уникальных зеркал, которые с помощью света выстраивали образ нематериального характера (о чем пойдет речь ниже), а с другой стороны, она вписывается в общую концептуальную позицию буддийского искусства, где образ всегда двойственен, то есть он репрезентирует и одновременно утаивает смысл, чтобы ум практикующего не привязывался к изображению как к идолу³.

Таким образом, опираясь на комплексное исследование буддийских текстов, можно предположить семантическую многомерность образа зеркала в культуре и искусстве Кореи, а также его значимость в качестве сложной философской категории, связывающей онтологические, гносеологические и сотериологические аспекты буддийской мысли. Этот материал позволит проследить, как доктринальные принципы буддизма нашли свое воплощение в художественной практике периода Корё, и проанализировать зеркала, бытовавшие в этот период, как особую сакральную художественную форму.

Художественные и образные особенности буддийских зеркал периода Корё (918–1392)

Археологические исследования ранних буддийских реликвариев позволяют предположить, что зеркала вошли в ритуальную практику Кореи начиная с VI века н.э. [8, р. 15]⁴. Об этом свидетельствуют бронзовые зеркала, которые были найдены в храмах Пульгукса (основан в 528 г.н.э.) и Хваннёнса (основан в 553 г.н.э.) близ г. Кёнджу⁵, провинция Кёнсан-пукто, Республика Корея. Традиция помещать сакральные зеркала в реликварии пагод сохранилась на протяжении многих веков, в том числе и в период Чосон (1392–1897). Отметим, что у ранних ритуальных зеркал традиционно

¹ О «постепенном» и «мгновенном» путях пробуждения см. подробнее: Урбанаева И.С. Кросскультурный анализ двух основных традиций махаяны в аспекте концептуализации пути // *Философия и культура*. 2018. № 7. С. 32–42.

² Йогачара — школа буддизма Махаяны, возникшая в IV веке. См. подробнее: Андросов В.П. Индо-тибетский буддизм : энциклопедический словарь. М.: Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям, 2023. С. 237–240.

³ Подробнее о «репрезентации» и «сокрытии» в буддийском искусстве см.: Деменова В.В., Уроженко О.А. Пространство смыслов буддийской металлической скульптуры. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. 141 с.

⁴ Необходимо отметить, что здесь подразумевается именно буддийская ритуальная практика. Известно, что зеркало в ритуале использовалось древними корейцами и в период добуддийских верований, в частности, в шаманских обрядах, где оно выступало в качестве солярного символа. Однако с окончательным закреплением буддизма на территории Корейского полуострова в VI веке нашей эры ритуальная практика значительно трансформировалась, хотя сохранила элементы шаманских традиций. См. подробнее: Kim S.E.T. Korean Buddhist adoption of shamanic religious ethos: healing, fortune seeking, and the afterlife // *International journal of Buddhist thought and culture*. 2018. № 1. P. 59–85.

⁵ В период Трех государств (I в. до н.э. – VII в. н. э.) г. Кёнджу был столицей Силла.

**1. Зеркало
с бодхисаттвой
Авалокитешварой
(Кваным).**

Период Корё (918–1392),
Корея.

Высота 40 см.

Национальный музей
Кореи, Сеул,
Республика Корея.

Источник: National
Museum of Korea,
museum.go.kr

разрабатывалась только задняя поверхность, а практика помещать изображение персонажей буддийского пантеона на отражающую часть появляется и ярко проявляет себя именно в период Корё. Подобные зеркала называют *кёнсан* (кор. 경상, 鏡像), что буквально означает «зеркало с изображением». Дж. У предполагает, что церемонии, в которых использовали *кёнсан*, были многообразны и часто связаны с ритуалами защиты государства [16, р. 37–38].

Достаточно обширной коллекцией зеркал с изображением бодхисаттв периода Корё обладает Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея. Образцы этого музейного собрания демонстрируют большую вариативность в иконографии персонажей и форме зеркал, в связи с чем коллекция представляется ценной источниковой базой для настоящего исследования.

Одним из ярких примеров служит бронзовое зеркало с изображением бодхисаттвы Авалокитешвары⁶ (кор. 청동 관음보살 무늬 경상), высотой

40 см (ил. 1)⁷. Его форма напоминает лепесток лотоса с выемкой в нижней части, вторящей выступу в верхней. Его задняя часть не орнаментирована и обрамлена рельефно выступающим ободком по краю. В правой части по центру располагается рамка прямоугольной формы, в которую вписаны иероглифы с именем мастера: 湖州眞石家念二叔照子.

На лицевой, отражающей части зеркала помещен бодхисаттва Авалокитешвара, который представлен в форме «Вода-луна». Описывая эту иконографию, Ю.И. Елихина отмечает, что обычно фигура изображена сидящей на берегу реки, а атрибутами могут выступать ивовая ветвь и сосуд [17, с. 38, 52]. На рассматриваемом нами зеркале в нижней части под бодхисаттвой вьющимися линиями изображены волны водного пространства.

Одна нога бодхисаттвы покоится на опоре, а вторая согнута в колене и приподнята. Его правая рука расположена позади него, а левая лежит на колене левой ноги. В руках нет атрибутов. Это положение тела напоминает позу лалитасана,

⁶ Авалокитешвара — бодхисаттва сострадания и милосердия. В Корее особое почитание Авалокитешвары начинается в период Объединенного Силла (660–935) и продолжает бытовать на протяжении многих последующих веков. Подробнее о широкой распространенности культа Авалокитешвары в Восточной Азии см.: Елихина Ю.И. Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Нестор-История, 2010. 289 с.

⁷ Инв. номер: 덕수1945. Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея.
URL: <https://www.museum.go.kr/site/eng/relic/search/view?relicId=1154> (дата обращения: 21.06.2025).

**2. Зеркало
с изображением
бодхисаттв
Авалокитешвары
и Махамаюри.**

Период Корё (918–1392),
Корея.
Национальный музей
Кореи, Сеул, Республика
Корея.
Источник: National
Museum of Korea,
museum.go.kr

также называемую «поза отдохновения» или «поза отдыхающего царя», поскольку трактуется очень свободно, расслабленно. На голове бодхисаттвы — сложная многочастная корона, в центре которой изображена небольшая фигура будды Амитабхи. Вокруг Авалокитешвары — крупная круглая мандорла; вторая мандорла поменьше расположена вокруг головы бодхисаттвы. Тело Авалокитешвары украшено струящимися ниспадающими лентами, браслетами и ожерельями с крупными круглыми бусинами, из-за чего центр композиции насыщен активными частыми линиями складок одежд, лент, нитей украшений. Сами же линии решены множеством небольших точек и пунктиров, плотно прилегающих друг к другу и создающих тем самым «вибрирующее» изображение.

У некоторых зеркал отражающая поверхность располагалась с двух сторон. Таково, например, зеркало с изображением Авалокитешвары и Махамаюри (кор. 수월관음보살 무늬 동제 거울, ил. 2)⁸. Форма этого зеркала тяготеет к овальной с небольшим выступом вверху и прямоугольной нижней частью. В выступе находится круглое отверстие, вероятно, для того чтобы зеркало можно было подвешивать.

На одной стороне зеркала изображен Авалокитешвара также в форме «Вода-луна», однако его

тело развернуто влево, в отличие от предыдущего примера, где торс бодхисаттвы был направлен вправо. В руке Авалокитешвара держит ветвь ивы. Корона бодхисаттвы состоит из тонкой диадемы, на которой по центру располагается фигура будды Амитабхи, излучающая сияние. Вокруг головы Авалокитешвары тонкой линией явлена круглая мандорла. Тело бодхисаттвы украшено лентами, браслетами и ожерельем, которые решены пунктирными чертами. Справа от бодхисаттвы Авалокитешвары расположены деревья, а внизу — водное пространство, в котором заметен корабль и небольшие фигурки людей.

Отметим, что само понятие «Вода-луна», как отмечает Ю.И. Елихина, «заимствовано из даосских представлений как символ иллюзорности мира, подобно Луне, отраженной в воде» [17, с. 32]. Бодхисаттва Авалокитешвара достаточно часто встречается в этой иконографии в живописи периода Корё, однако расположение подобного изображения на зеркальной отражающей поверхности предлагает новые грани этого образа и усиливает те метафорические пласты, о которых мы подробно говорили выше.

На другой стороне зеркала — бодхисаттва Махамаюри. Махамаюри располагается в центре,

⁸ Инв. номер: 덕수2353. Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея.
URL: <https://www.museum.go.kr/site/eng/relic/search/view?relicId=8028> (дата обращения: 21.06.2025).

**3. Зеркало
с изображением
бодхисаттвы
Авалокитешвары.**

Период Корё (918–1392),
Корея.

Высота 14,4 см,
длина 10,2 см.

Национальный музей
Кореи, Сеул,

Республика Корея.

Источник: National
Museum of Korea,
museum.go.kr

фигура представлена сидящей со скрещенными ногами на спине павлина, который стоит на цветке лотоса. В одной руке Махамаюри держит меч, а в другой, предположительно, свиток. Отметим, что подобная иконография является достаточно редкой и чаще всего встречается в искусстве Японии, что делает корейский экземпляр уникальным.

Иную иконографию бодхисаттвы Авалокитешвары предлагает еще одно зеркало (кор. 동제 관음입상 거울) из коллекции Национального музея Кореи, Республика Корея (ил. 3)⁹. Само зеркало прямоугольной формы с небольшим выступом и отверстием для подвешивания в центре верхней части; его высота — 14,4 см, а длина — 10,2 см. Его задняя поверхность гладкая и никак не разработана.

На этом зеркале бодхисаттва Авалокитешвара представлен в позе самапада (прямостоящий). Его ноги располагаются в цветке лотоса, в одной руке он держит ветвь ивы, в другой, у живота, чашу. Голова бодхисаттвы украшена сложной короной с высокой центральной частью, которая напоминает

распустившийся бутон. Вокруг головы Авалокитешвары — круглая мандорла. Торс бодхисаттвы украшен лентами одежд, а также несколькими нитями украшений с крупными жемчужинами и цветком лотоса. Характер линии здесь иной: она дана не плотным рядом точек и не пунктирными отрезками, а цельно. Линия струится, извивается, в некоторых местах истончается, а в некоторых вновь «набирает силу», становится более плотной, из-за чего сохраняется характерное мерцание, вибрация образа.

Следующий экземпляр — двустороннее зеркало с изображением Авалокитешвары и Вайшраваны (кор. 청동관음보살·비사천문 무늬 경사, ил. 4)¹⁰. Оно достаточно небольшое — 9,7 × 4,5 см, прямоугольной формы с небольшой петлей для подвешивания, расположенной по центру.

На одной стороне зеркала помещен Авалокитешвара. Бодхисаттва вновь представлен в форме «Вода-луна», в подножии его пьедестала — бурлящие волны. Ноги бодхисаттвы скрещены, и руками он обхватывает одно колено. Торс здесь укутан

⁹ Инв. номер: 덕수5645. Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея.

URL: <https://www.museum.go.kr/site/eng/relic/search/view?relicId=1262> (дата обращения: 21.06.2025).

¹⁰ Инв. номер: 덕수3349. Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея.

URL: <https://www.museum.go.kr/site/eng/relic/search/view?relicId=1262> (дата обращения: 21.06.2025).

4. Зеркало
с изображением
бодхисаттвы
Авалокитешвары
и Вайшраваны.

Период Корё (918–1392),

Корея.

9,7 × 4,5.

Национальный музей

Кореи, Сеул,

Республика Корея.

Источник: National

Museum of Korea,

museum.go.kr

в гораздо более плотное одеяние, украшения лаконичны: они вплетены в длинные косы. На голове у бодхисаттвы расположена небольшая корона с тяготеющей к треугольной форме центральной частью, внутри — Будда Амитабха. Вокруг Авалокитешвары две круглые мандорлы, одна из которых полностью охватывает его тело, а другая, чуть меньше, только голову и верхнюю часть туловища. Внизу перед бодхисаттвой расположены миниатюрные фигурки людей. Это изображение по своему характеру наиболее близко к живописным образам Авалокитешвары периода Корё и по общей динамике композиции, и по трактовке лица и тела бодхисаттвы, его объемов и форм.

На другой стороне зеркала изображен Небесный царь, хранитель Севера, Вайшравана.

Он стоит на земле, в одной его руке пагода, а в другой знамя. Вайшравана одет в плотный доспех, украшенный множеством лент. Характер линии здесь совершенно иной — более плотный, насыщенный, активный.

Вайшравана изображается и на одностороннем прямоугольном зеркале (кор. 비사문천왕 무늬 동계 경상, ил. 5)¹¹. Здесь Небесный царь представлен в той же иконографии и с теми же атрибутами, однако вся его фигура трактована более свободно, изображение менее плотное и насыщенное, в сравнении с предыдущим экземпляром. Вероятно, это связано с тем, что размер зеркала больше, оно шире — 11 × 8,3 см. Справа от изображения расположены иероглифы 北方毗沙門天, означающие «Северный Небесный владыка Вайшравана».

¹¹ Инв. номер: 덕수2563. Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея.
URL: <https://www.museum.go.kr/site/eng/relic/search/view?relicId=1183> (дата обращения: 23.06.2025).

**5. Зеркало
с изображением
Вайшраваны.**

Период Корё (918–1392),
Корея.

11 × 8,3.

Национальный музей
Кореи, Сеул,
Республика Корея.

Источник: National
Museum of Korea,
museum.go.kr

6. **Зеркало**
с изображением
Будды Амиды.

XIX в., Япония.
Высота 23,8 см.
Метрополитен-музей,
Нью-Йорк, США.
Источник: The Met,
metmuseum.org

Фигура здесь расположена почти фронтально, тогда как на предыдущем примере в три четверти.

Выше мы уже касались того, что сакральное изображение наносилось на отражающую поверхность, а не на заднюю часть зеркала, как это было принято традиционно. Это принципиальная особенность подобных зеркал и наиболее значимая часть в понимании их художественно-философской идеи. Как мы отметили, с помощью света зеркала создавали нематериальный образ. Вот как это происходило: когда свет попадал на поверхность зеркала, они начинали буквально проецировать сакральное изображение вовне. Пример мы можем найти в экспозиции Метрополитен-музея, Нью-Йорк, США, где представлено круглое японское зеркало XIX века (ил. 6)¹².

В статье В.В. Деменовой «Светозарность и светоформа в буддийском искусстве (к постановке вопроса)» подчеркивается, что свет в буддийской

традиции — «видимое проявление феномена “запредельной мудрости”, качеств ума Пробужденного, способных “озарить” множество миров» [18, с. 63]. Автор вводит понятие «светоформа», которое раскрывает связь между сущностными характеристиками Учения и их художественным воплощением. В контексте зеркал это особенно значимо: их поверхность буквально отражает свет и «транслирует» светонесущий образ.

В первой части статьи мы обратились к тому, что зеркало в буддийских текстах часто выступает метафорой ума. Свет же — метафора Учения, и когда он соприкасается с зеркалом, то преобразует зеркальную поверхность, которая вбирает его светонесущие качества. Образы, явленные в пространство в процессе этого взаимодействия, буквально сотканы из света, они полностью состоят из него.

¹² Сохранность корейских зеркал периода Корё не позволяет создать подобную экспозицию с демонстрацией взаимодействия света и отражающей поверхности, поэтому для примера мы обращаемся к позднему японскому экземпляру.

Выводы

Проведенное исследование художественных смыслов бронзовых корейских зеркал периода Корё (918–1392) позволяет сделать вывод об их уникальном месте в истории буддийского искусства Корейского полуострова. Иконографический анализ зеркал из коллекции Национального музея Кореи выявил устойчивые типы изображений, среди которых особое место занимают образы Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания, особенно

почитаемого в корейской буддийской традиции. Философская основа этих произведений восходит к буддийской концепции «зеркала ума». Размещение сакральных изображений именно на отражающей поверхности создавало эффект «проявления» образа в пространстве при попадании света, что символизирует центральную буддийскую идею о Пробуждении как результате взаимодействия «света Учения» и «ума-зеркала».

Список источников

1. Park J.S., Gordon R.B. Traditions and transitions in Korean bronze technology // *Journal of archaeological science*. 2007. № 34. P. 1991–2002.
2. Kim W. *Art and archaeology of ancient Korea*. Seoul: Taekwang Pub. Co., 1986. 416 p.
3. Moes R.J. *Korean art from the Brooklyn Museum Collection*. New York: Universe Books, 1987. 202 p.
4. McKillop B. *Korean art and design*. London: The Victoria and Albert Museum, 1992. 192 p.
5. Pak Y. The Korean art collection in The Metropolitan Museum of Art // *Arts of Korea* / ed. by J.G. Smith. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1998. P. 402–450.
6. Lee M. Korean mirrors // *Treasures from the Bronze Age and beyond. The Hallwyl Museum's Collection of small Chinese and Korean bronzes* / ed. by A. Williams, E. Aggeklint, M. Lee. Stockholm: Hallwyl Museum, 2019. P. 102–107.
7. Horlyck C. *Mirrors in Koryo society: their history, use and meanings*. London: SOAS, University of London, 2005. 576 p.
8. Merrienboer J. *Bronze mirrors of the Goryeo Dynasty (913–1392 CE). How their iconography reflects their role in society*. Leiden: Leiden University, 2021. 81 p.
9. Choi K.J., Park J.S. On the manufacturing technology of some Koryo bronze artifacts // *Journal of the Korean Society for Heat Treatment*. 2004. Vol. 17. № 1. P. 2–9.
10. 박진경. 고려 조선시대 동경(銅鏡) 연구. 서울: 홍익대학교, 2021 [Парк Дж. Исследование бронзовых зеркал династий Корё и Чосон. Сеул: Университет Хонгик, 2021. 200 с.]. (На корейском яз.)
11. Деменова В.В. Методологические аспекты анализа произведений буддийского искусства // *Временник Зубовского Института*. 2023. № 1 (40). С. 173–184.
12. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. 125 с.
13. McRae J.R. The Platform Sutra in religious and cultural perspective // *The Eastern Buddhist*. 1989. Vol. 22. № 2. P. 130–135.
14. Demiéville P. The mirror of the mind // *Sudden and gradual: approaches to enlightenment in Chinese thought* / ed. by P.N. Gregory. Delhi: Motilal Banarsidass, 1987. P. 13–40.
15. Ирэн. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах: (самгук юса) / Ирэн; пер. Ю.В. Болтач. СПб.: Гиперион, 2018. 894 с.
16. Woo J. The esoteric Buddhism ritual and bronze mirrors incised with Buddhist images in the Goryeo period // *Journal of Korean Association of Art History Education*. 2010. № 24. P. 7–38.
17. Елихина Ю.И. Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Нестор-История, 2010. 289 с.
18. Деменова В.В. Светозарность и светоформа в буддийском искусстве (к постановке вопроса) // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2015. № 1 (136). С. 62–74.

References

1. Park, J.S. and Gordon, R.B. (2007) 'Traditions and transitions in Korean bronze technology', *Journal of archaeological science*, (34), pp. 1991–2002.
2. Kim, W. (1986) *Art and archaeology of ancient Korea*. Seoul: Taekwang Pub. Co.
3. Moes, R.J. (1987) *Korean art from the Brooklyn Museum Collection*. New York: Universe Books.
4. McKillop, B. (1992) *Korean art and design*. London: The Victoria and Albert Museum.
5. Pak, Y. (1998) 'The Korean art collection in The Metropolitan Museum of Art', in Smith, J.G. (ed.) *Arts of Korea*. New York: The Metropolitan Museum of Art, pp. 402–450.
6. Lee, M. (2019) 'Korean mirrors', in Williams, A., Aggeklint, E. and Lee, M. (eds.) *Treasures from the Bronze Age and beyond. The Hallwyl Museum's Collection of small Chinese and Korean bronzes*. Stockholm: Hallwyl Museum, pp. 102–107.
7. Horlyck, C. (2005) *Mirrors in Koryo society: their history, use and meanings*. London: SOAS, University of London.
8. Merrienboer, J. (2021) *Bronze mirrors of the Goryeo Dynasty (913–1392 CE). How their iconography reflects their role in society*. Leiden: Leiden University.
9. Choi, K.J. and Park, J.S. (2004) 'On the manufacturing technology of some Koryo bronze artifacts', *Journal of the Korean Society for Heat Treatment*, 17(1), pp. 2–9. (In Korean)
10. Bag Jinyeong (2021). Golyeo joseonsidae dong-gyeong (dong-gyeong) yeongu. seoul: hong-igdaehaggyo [Park, J. (2021) *A study on bronze mirrors of Korea from the Goryeo to Joseon Periods*. Seoul: Hong-ik University] (In Korean).
11. Demenova, V.V. (2023) 'Analysing works of Buddhist art: methodological aspects', *Vremennik Zubovskogo instituta = Annals of the Zubov institute*, (1), pp. 173–184. (In Russ.)
12. Abaev, N.V. (1983) *Chan Buddhism and the psychic activity culture in Mediaeval China*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
13. McRae, J.R. (1989) 'The Platform Sutra in religious and cultural perspective', *The Eastern Buddhist*, 22(2), pp. 130–135. (In Russ.)
14. Demiéville, P. (1987) 'The mirror of the mind', in Gregory, P.N. (ed.) *Sudden and gradual: approaches to enlightenment in Chinese thought*. Delhi: Motilal Banarsidass, pp. 13–40.
15. Iryon (2018) *Memorabilia of the Three Kingdoms (Samguk yusa)*. Saint Petersburg: Hyperion. (In Russ.)
16. Woo, J. (2010) 'The esoteric Buddhism ritual and bronze mirrors incised with Buddhist images in the Goryeo period', *Journal of Korean Association of Art History Education*, (24), pp. 7–38.
17. Elikhina, Yu.I. (2010) *Cults of the main bodhisattvas and their earthly incarnations in the history and art of Buddhism*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
18. Demenova, V.V. (2015) 'Lightness and Light-Form in Buddhist Art (On the Statement of the Problem)', *Izvestia of the Ural federal university. Series 2. Humanities and Arts*, (1), pp. 62–74. (In Russ.)

Информация об авторе

Симонова Алина Владиславовна, ассистент кафедры истории искусств и музееведения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация, avlsimonova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6813-6949>, Research ID: LDG-2888-2024, SPIN-код (Science Index): 1289-0317.

Information about the author

Alina Vladislavovna Simonova, Assistant, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation, avlsimonova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6813-6949>, Research ID: LDG-2888-2024, SPIN-code (Science Index): 1289-0317.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 22.07.2025.

The article was received by the editorial board on 03 July 2025; approved after reviewing on 21 July 2025; accepted for publication on 22 July 2025.